

УДК 821.161.1

**РЕМЕЙКИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. ОЛЬШАНСКОГО
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕС «ДУНЯ, ЛИЗА, АКУЛИНА» И «МОЙ
МИЛЫЙ ПЛЮШКИН»)**

Термин «ремейк», пришедший в литературу из области киноискусства, предполагает создание новой интерпретации известного произведения на основе собственной рецепции текста-оригинала.

В «Словаре литературоведческих терминов» указывается, что ремейк «может повторять сюжетные ходы оригинала, типы характеров, но при этом изображать их в новых исторических, социально-политических условиях» [4].

«Словарь новейших иностранных слов» Е. Н. Шагаловой дает два значения термина «ремейк» (англ. «remake» – «переделка, переделывание»): «1. В искусстве – новая версия чего-либо известного или созданного ранее; 2. Возвращение давних, ушедших элементов (например, моды, обычаев), использование ранее уже встречавшихся «старых» идей во вновь выпускаемых товарах, изделиях» [5, с. 572].

К основным характеристикам жанра «ремейк» можно отнести:

1. Ориентацию на классический претекст, знакомый как автору парафраза, так и реципиентам.
2. Присутствие «чужого текста» в виде заимствований, реминисценций, аллюзий и цитат.
3. Диалог на уровне содержания с претекстом.
4. Продуктивность, возникающую, по мнению Г. Л. Нефагиной, за счет богатства социально-философской проблематики и историко-культурной акцентуации.

Ремейк – один из наиболее востребованных жанров современной русской драматургии, о чем свидетельствуют работы последних лет – исследования И. Болотян, И. Банах, Е. Таразевич и др. Однако по-прежнему остается много проблем, требующих теоретического осмысления в области функционирования этого жанра в драматургии.

Ремейк активно участвует в формировании сверхтекстов, в том числе «персональных», среди которых можно выделить несколько групп: «Шекспировский», «Чеховский», «Гоголевский», «Лермонтовский», «Толстовский», «Гончаровский» и «текст Достоевского». Переосмыслению подвергаются произведения классической литературы.

Главными условиями превращения произведения в претекст ремейка выступает:

- общеизвестность не только фабулы первоисточника, но и рецензий критики и литературоведения;
- переход в разряд классики,
- стереотипизация как рецепции героев претекста, так и творчества автора первоисточника;
- первоначальная мифологизация фигуры автора претекста, его последующая «десакрализация», а также ремифологизация сложившегося образа.

Драматург В. Ольшанский является автором нескольких ремейков, авторские определения жанровой специфики которых говорят о его тяготении к комическому переосмыслению произведений классики: «Хапун» (Комедия в двух действиях по мотивам повести В. Г. Короленко), «Барин, Полина и Петух» (Нравоучительная комедия в двух действиях по мотивам рассказов Н. С. Лескова), «Дуня, Лиза, Акулина» (Театральная фантазия в двух действиях на темы повестей И. П. Белкина), «Мой милый Плюшкин» (Комедия по мотивам поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души»). Только одна пьеса, по мнению драматурга, имеет другую жанровую природу – это «Дуня,

Лиза, Акулина». Процессы, которые претерпевает претекст в процессе переработки, наиболее ярко продемонстрированы именно в этом ремейке.

Основным приемом при создании ремейков выступает игра, проявляющаяся на разных уровнях: игра ремейкера с претекстом, с читателем, вторичная игра – героев с автором парафраза, с читателем, с текстом первоисточника, и временами – с критиками и литературоведами.

В пьесе-ремейке «Дуня, Лиза, Акулина» В. Ольшанский обращается к игре с текстами «Повестей Белкина» А. Пушкина: «Мог ли гусар развлекать Дуню историей о барышне-крестьянке? Могла ли Дуня рассказать гусару о том, что произошло с бедной Марьей Гавриловной, когда поднялась ужасная метель? Этого мы не знаем и не узнаем никогда. Подобные предположения, а также весь текст, которого нет в повестях Белкина, есть легкомысленная безответственная фантазия автора пьесы. Театральная фантазия» [2].

Предпринятая драматургом игра с текстами произведений А. С. Пушкина интересна с точки зрения процессов, которые происходят с автором-творцом. Читателю / зрителю предлагается проследить за этим сквозь призму сознания героя, примерившего маску и выполняющего функцию автора-творца.

В пьесе В. Ольшанского «Дуня, Лиза, Акулина» можно наблюдать несколько уровней рецепции претекста: не только драматург переосмысливает первоисточник, но и герои ремейка воспроизводят текст повестей, а также дают им собственную оценку. Цель происходящего в пьесе – развлечь друг друга занимательными историями, но в этот процесс втягивается и читатель / зритель, интерес которого состоит в разгадывании знакомых сюжетов и цитат, а также понимании цели, которую преследовал автор-ремейкер.

К примеру, Дуня читает Минскому повесть «Метель» А. Пушкина: «Накануне решительного дня Марья Гавриловна не спала всю ночь; она укладывалась, увязывала белье и платье, написала длинное письмо к одной чувствительной барышне, её подруге, другое к своим родителям» [2]; Вырин

цитирует повесть «Гробовщик»; в пьесе разыгрываются сцены из «Барышни-крестьянки», трансформированной в пьесу.

Минский, знакомый с прототипами героев повести «Метель» и реальными событиями, положенными в основу произведения, выступая в роли автора-творца, предлагает Дуне собственную интерпретацию дальнейших событий истории, которую она рассказывает:

«МИНСКИЙ. Её несчастный жених, этот самый прапорщик, заплутал и добрался до церкви только к рассвету. А тем временем невесту по ошибке обвенчали с другим. Прапорщик погиб в кампанию двенадцатого года, а наша бедная Марья Гавриловна так и не догадывалась, чья она жена...

ДУНЯ (*взволнованно*). Верно! В точности так и было.

МИНСКИЙ. А потом явился гусарский полковник Бурмин, начал ухаживать, объяснился и... Всё раскрылось: он и был тот счастливец, который оказался случайно в церкви и обвенчался с барышней.

ДУНЯ. Не просто явился, а спустя четыре года, и раненый, и с Георгием в петлице! Нет, вы не угадали, вы знали!..

МИНСКИЙ. Мне ли не знать, если Бурмин когда-то служил в нашем полку... К тому же, говорят, бедная Марья Гавриловна была богатая невеста и наследница всего имения» [2].

Читатель / зритель обманывается, полагая, что и он сам хорошо знает не только события повестей, но и с историю их создания. Драматург предлагает ему головоломку, разгадывая которую, реципиент отслеживает процесс создания произведения изнутри. «Творящим сознанием» в ремейке выступает герой – Минский:

«МИНСКИЙ (*Дуне*). Благодарю. Ваши ручки, Авдотья Самсоновна, лучший доктор... (*Почти весело.*) Присядьте здесь, поближе. Возьмите ваше шитьё и не обращайтесь на меня внимания. Вот так, хорошо... Я сам вам расскажу забавную историю, согласны?» [2].

Изменяется и родовая природа претекста. В ремейке разыгрываются сцены из «Барышни-крестьянки», представляющие собой цитаты из «Повестей Белкина», смонтированные драматургом.

В отличие от автора постмодернистского текста, В. Ольшанский не пародирует первоисточник, а обыгрывает его с целью активизации читательского / зрительского внимания. Таким образом, реципиент переживает вместе с персонажем, который выступает в ремейке в роли творца, процесс рождения текста: ему предлагается прочувствовать все трудности, которые при этом испытывает автор-создатель. В ремейке нарушена автономия персонажей претекста, вступающих в процесс взаимодействия нового произведения.

В пьесе-ремейке В. Ольшанского герой выступает автором, наглядно иллюстрируя одну из позиций учения М. Бахтина, однако осмысливает события чужой жизни, демонстрируя всеведение автора-творца и сам процесс творения текста:

«МИНСКИЙ. Зачем непременно название? А впрочем... Если вам угодно, можно и название подобрать. Например, такое... “Акулина, дочь кузнеца”.

ДУНЯ. Акулина?

МИНСКИЙ. Не нравится? Верно, и мне тоже не нравится. Уж лучше как-нибудь по-другому... *(Подумав.)* Извольте, нашёл, и даже самое подходящее! “Барышня-крестьянка”...» [2].

Пьеса-ремейк «Мой милый Плюшкин» – один из тех текстов, которые участвуют в формировании сверхтекста «Гоголевского текста». В. Ольшанский воссоздает картину жизни одного из помещиков, опираясь на детали претекста. Как известно, именно на возрождение Плюшкина возлагал надежды Н. В. Гоголь, задумав третий том «Мертвых душ». Драматург обращается к аллюзивному названию, но добавляет в него «мой», что подчеркивает субъективность не только прочтения поэмы Н. Гоголя, но и авторской рецепции образа Плюшкина.

Жанр, обозначенный автором ремейка как «комедия», – реминисценция «Божественной комедии» Данте Алигьери, лирический герой которой проходит ад и чистилище, прежде чем оказаться в раю. Герой В. Ольшанского мог построить свою жизнь иначе, но совершив ряд ошибок, лишил себя возможности превратиться в счастливого старика. Наивность, слепая любовь к детям, приоритет материального над духовным, утрата надежды, скука и лень, к которым привела потеря любви, – вот причины деградации Плюшкина. Жизнь героя – это путь в ад, так как душа его атрофировалась.

Пьеса строится как ретроспекция жизни помещика. Ремейк представляет собой разновидность приквела – термин из области киноискусства, который обозначает произведение, рассказывающее предысторию событий другого произведения. Драматург развивает линию одного героя поэмы Н. Гоголя «Мертвые души» – Плюшкина, разворачивает в полноценную историю целой жизни, прослеживает его поэтапную духовную деградацию. У пьесы кольцевая композиция: события шести сцен развиваются по принципу от плохого к хорошему. Светлое начало пути Плюшкина, который еще способен мечтать и видеть красивое и строить планы на будущее, изображается в предпоследней сцене – «Предчувствие». Но финал ремейка возвращает читателя / зрителя в «ту же грязную и запущенную комнату в доме Плюшкина», где «повсюду следы запустения: беспорядок, пыль, паутина» [3].

В ремейке В. Ольшанского представленная авторская рецепция образа Плюшкина разрушает стереотипное его прочтение как «прорехи на человечестве». Читатель / зритель прослеживает этапы «омертвения» души героя, метаморфозу, произошедшую с ним, в молодости обладавшим всеми задатками человека деятельного, умного, романтического, полного надежд на светлое будущее. Остается чувство грусти от того, что потенциально богатый духовно человек остается к концу жизни полным банкротом: ни семьи, ни друзей, ни достойного дела.

Таким образом, в творчестве В. Ольшанского можно наблюдать ремейки разных типов: «Дуня, Лиза, Акулина» – это деструктивный ремейк, «Мой милый Плюшкин» – деконструкция жизни одного из главных помещиков поэмы Н. В. Гоголя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нефагина Г. Л. Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х годов XX века: Учебное пособие для студентов филологических факультетов вузов. – Минск, 1998. – 231 с.
2. Ольшанский В. Дуня, Лиза, Акулина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sufler.su/katalog/o/>
3. Ольшанский В. Мой милый Плюшкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sufler.su/katalog/o/>
4. Римейк // Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. - СПб.: Паритет, 2007. – 320 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://literary_criticism.academic.ru/319/римейк
5. Шагалова Е. Н. Словарь новейших иностранных слов (конец XX – начало XXI вв.). – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 943 с.

АННОТАЦИЯ

Любимцева-Наталуха Л. Н. Ремейки в творчестве В. Ольшанского (на материале пьес «Дуня, Лиза, Акулина» и «Мой милый Плюшкин»)

Статья посвящена исследованию жанра «ремейк» в творчестве современного русского драматурга В. Ольшанского. На материале пьес «Дуня, Лиза, Акулина» и «Мой милый Плюшкин» доказывается, что это разные жанровые подвиды: «Дуня, Лиза, Акулина» – образец деструктивного ремейка, «Мой милый Плюшкин» – ремейк-деконструкция, приквел жизни одного из главных героев поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души».

Ключевые слова: ремейк, приквел, деконструкция, деструкция, автор, рецепция.

SUMMARY

**L. N. Lubimtseva-Natalukha Remakes in the work of V. Olshansky
(based on the plays «Dunya, Lisa, Akulina» and «My dear Plyushkin»)**

The article is devoted to the study of the «remake» as a genre in the work of contemporary Russian playwright V. Olshansky. On the material of the plays «Dunya, Lisa, Akulina» and «My Sweet Plyushkin» it is proved that these are different genre subspecies: «Dunya, Lisa, Akulina» – a sample of a destructive remake, «My sweet Plyushkin» – a remake of deconstruction, a prequel to the life of one of the main characters of the poem «Dead Souls» written by N. V. Gogol.

Key words: remake, prequel, deconstruction, destruction, author, reception.